

с. 2-3.

А. Уманьский

подлежащих старости и молодости

Литературныя замѣтки.

Плоды ли наша беллетристика. Новый рассказ г. Чехова, его содержание и достоинство. Манера изображенія жизни в рассказѣ. Его откровенность, как сладостіе роста таланта автора. Рассказ г. Вибкова из «Наблюдатель». Г. Мерещковскій о творчестве и тенденциозности. Несколько слов о прочтѣ статьи «Свѣ. Вѣст.»

Много въ последнее время говорилось объ упадкѣ нашей художественной литературы. Къ сожалѣнію, никто не задумался надъ тѣмъ, — не слишкомъ ли мы скоро порѣшили вопросъ, и не возможно ли даже рѣшеніе совершенно противоположное. Дѣло въ томъ, что въ художественномъ отношеніи, въ самыхъ основахъ творчества, можно подмѣтить скорѣе ухудшеніе, чѣмъ упадокъ. Послѣ антихудожественнаго настроенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, мы опять приходимъ къ признанію художественнаго творчества, отрицавшагося недавно. Одновременно съ этимъ, по-является въ нашей литературѣ рядъ художественныхъ талантовъ, которые, если не по размѣрамъ, то по качеству примыкаютъ къ талантамъ 40-хъ и 50-хъ годовъ. Не говоря уже о покойныхъ Надсонѣ и Гаршинѣ, изъ живущихъ можно назвать гг. Короленко, Чехова, Дѣдова и нѣк. другихъ. Странно особенно, что нѣкто изъ проаносившихъ жестокой приговоръ надъ современной литературой, не вспомянулъ произведеній г. Короленко, вполнѣ законченныхъ и высокохудожественныхъ, которые доставили автору почетную извѣстность.

Не смотря на это, въ нападкахъ на современную беллетристику есть все-таки нѣкоторое основаніе. Въ общемъ она представляетъ картину мало отрадную, словно пустынное поле, на которомъ только кое-гдѣ пробивается зеленая травка. Въ ней мало, даже въ произведеніяхъ болѣе талантливыхъ писателей, типичности, обобщенія, опредѣленныхъ взглядовъ на природу и жизнь. Дѣло въ томъ, что мы живемъ въ періодъ неопредѣленности мысли въ литературномъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, недостатки нашей современной беллетристики только временные, и придти отъ нихъ въ отчаяніе, толковать о рѣшительномъ упадкѣ ея — нѣтъ еще повода. Если нѣкоторые таланты заблуждаются и гибнутъ, подъ влияніемъ современной атмосферы (какъ напр. г. Ясинскій), то другіе развиваются неуловимо, представляя залогъ лучшаго будущаго, быть можетъ даже чего-то новаго.

Такия свѣтлыя мысли о будущемъ нашей беллетристики внушаетъ, между прочимъ, новый очеркъ г. Чехова: «Именины» въ послѣдней книжкѣ «Свѣ. Вѣст.». Тема его, правда, незамысловата, размѣры невелики, но исполненіе отличается талантною и глубиною. Въ немъ изображается празднованіе именинъ въ домѣ богатаго помѣщика, жена котораго беременна. Авторъ прослѣживаетъ шагъ за шагомъ ея ощущенія, подъ влияніемъ ея болѣзненнаго состоянія, напрягающаго сильно чувствитель-

ность къ окружающему. Неискренность разговоровъ о предметахъ, которые никого не интересуютъ, пустота гостей, хотя обыденная и встречаемая на каждомъ шагу, наконецъ, вѣчная рисовка ея мужа — дѣлаются ей совершенно невыносимы. Она раздражается все больше и больше, ей приходитъ въ голову оскорбительныя предположенія о мужѣ, неосновательность которыхъ она сознаетъ, но высказываетъ ихъ подъ влияніемъ раздраженія. Но только что высказавъ ихъ, она приходитъ въ ужасъ отъ своего поступка, тѣмъ болѣе, что все представляется ей въ это время въ превеличественномъ видѣ. Съ нею начинается истерика, плясъ, а потомъ и преждевременное рѣшеніе отъ бремени. Родится мертвый ребенокъ, при чемъ авторъ показываетъ, какъ на время соскочило съ ея мужа ве напускное и неестественное, что сопровождало его въ жизни. Черезъ минуту, впрочемъ, онъ опять начинаетъ сосватываться и лгать, и жизнь его, конечно, потечетъ по-прежнему, какъ и ея жизнь.

Такова фабула этого очерка, ставящаго въ общемъ впечатлѣніе отъ него изъ большаго романа. А между тѣмъ, изъ такой незамысловатой рамки, какъ въ стеклышко панорамы, открывается видъ на жизнь цѣлой семьи, даже цѣлаго круга общества, съ его общеннымъ строеніемъ и пустотою. Характеры выступаютъ здѣсь тоже съ болѣею рельефностью, чѣмъ въ прежнихъ рассказахъ г. Чехова; особенно хитръ и оригиналенъ характеръ мужа героини.

Онъ корчить изъ себя убѣжденнаго врага либерализма, вѣчно рисуется, грубитъ въ тѣмъ, важничаетъ, такъ что имѣетъ, повидимому, всѣ данныя, чтобы возбуждать отвращеніе и ненависть. Изъ такого человѣка можно бы сдѣлать въ рассказѣ лицо совершенно непріятное, какъ онъ непріятенъ всѣмъ своимъ знакомымъ. Авторъ, между тѣмъ, рисуя его совершенно правдиво, не дѣлаетъ его такимъ, но показываетъ за его, такъ сказать, житейской ролью и вполнѣ человѣческія черты; намъ становится даже жаль его и досадно, что онъ такъ ломается и портитъ свой человѣческій обликъ. Въ изображеніи этого характера, какъ и въ другихъ произведеніяхъ г. Чехова, сказалась его способность за вѣщностью человѣка видѣть его внутреннюю суть.

Предпочтеніе, которое авторъ отдаетъ бессознательному элементу въ человѣческой жизни предъ рефлексіей, жизнью сознательной, сблизжаетъ его съ Л. Н. Толстымъ. Быть можетъ, благодаря этому, онъ избралъ для своего послѣдняго произведенія и ту манеру, которой пользуется Л. Н. Толстой въ своей «Аннѣ Карениной». Мы не говоримъ о подражаніи, потому что такового незамѣтно, а только объ общности манеры, которая можетъ обусловливаться и единствомъ задачи. Онъ, какъ и Л. Н. Толстой, рисуетъ здѣсь человѣка во всей мелочности его обыденной обстановки, со всѣми мелкими ощущеніями, которыя слагаютъ его душевную жизнь. Вы какъ

будто присутствуете при медленномъ назрѣваніи чувства, при его бессознательныхъ, еще почти физиологическихъ переходахъ. Манера такая особенно удобна для изображенія человѣка на фонѣ его бессознательной жизни, его инстинктовъ, единства съ природой, что привлекаетъ г. Чехова. Онъ пользуется ею такъ хорошо, что его рассказъ положительно не уступаетъ лучшимъ страницамъ въ романѣ Л. Н. Толстого.

Какъ ни прелестенъ, впрочемъ, очеркъ г. Чехова, форма его, намъ кажется, мѣшаетъ нѣсколько цѣльности впечатлѣнія. Авторъ даетъ въ немъ какъ бы только отрывокъ фона, на которомъ должно быть нарисовано нѣчто большее, но чего въ очеркѣ нѣтъ. Рамки его слишкомъ тѣсны для художественнаго обобщенія, которое въ немъ только мелькаетъ, но не высказывается. При чисто социальномъ, въ очеркѣ много и чисто патологическаго; напр., отношеніе героини къ собравшемуся у нея обществу вызвано, въ значительной степени, ея болѣзненнымъ состояніемъ. Правда, состояніе это дѣлаетъ особенно чувствительными недостатки жизни, которые не замѣчаются въ обыденномъ настроеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно же заставляетъ представлять ихъ и въ превеличественномъ видѣ. Такимъ образомъ, очеркъ является, съ одной стороны, этюдомъ социальнымъ, съ другой — патологическимъ, и послѣднее стоитъ даже на первомъ планѣ. Состояніе беременной женщины заслоняетъ отчасти характеристику собравшагося общества,

по крайней мѣрѣ, мѣшаетъ ясности впечатлѣнія. Оно могло бы имѣть значеніе въ цѣлой картинѣ, какъ въ обрисовкѣ самой героини, такъ и въ обрисовкѣ общества, если бы мы были знакомы съ ними и объективно; тѣмъ же рассказъ представляется скорѣе сокъ картины, по которому можно только болѣе или менѣе несовершенно судить о характерѣ цѣлаго.

Дѣлаемъ свое замѣчаніе съ большою неохотой, даже неспѣло, вспомянувъ изреченіе Екатерины II: «побѣдители не судятъ». Г. Чеховъ является, между тѣмъ, несомнѣнно побѣдителемъ и самъ себѣ привлечь симпатіи даже тѣхъ, кто до сихъ поръ упорно отрицалъ талантъ его. Мы желаемъ только указать, что онъ побѣдилъ не формой своего очерка, но содержаниемъ, хотя оно выходитъ изъ рамокъ сцены, произведеніе отрывочнымъ. Въ этомъ проявляется, между прочимъ, ростъ таланта, который ищетъ новой формы, но еще укладывается по привычкѣ болѣе или менѣе въ прежнюю. Въ слѣдствіе этого, произведенія г. Чехова представляютъ отчасти эстетическую стройность прежнихъ рассказовъ, но приобретаютъ вмѣстѣ болѣе богатство содержанія. Возьмите хотя бы рассказъ: «Врачи» какъ въ немъ все стройно, соответствуетъ одно другому, и какъ все направлено къ одной цѣли! Въ данномъ случаѣ форма вполнѣ исчерпываетъ содержаніе, а всѣ части рассказа приурочены къ ясненію главнаго момента, составляющаго его основаніе.

Кр. на шкандо 30. 10. 1911

Характеры этого очерка составляют лишь силуэты, чуть-чуть намеченные, но так и должно быть в данном случае. Расширьте их, оставив то же основание, и получится несоответствие частей, которое придаст произведению характер отрывочности. Прибавим к сказанному, что мы делаем свое замечание преимущественно затѣмъ, чтобы указать, какъ оригинально отразилась роль таланта г. Чехова на формѣ его очерка. Мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи его произведенія представляютъ впоследствии довольно любопытную картину. Выступилъ онъ на литературное поприще очень рано, продолжалъ его почти безъ перерывовъ, и всѣ измѣненія въ его талантѣ отразились рѣзко на формѣ его рассказовъ. Они представляютъ все большее и большее расширеніе формы сценъ,—то механическое, какъ въ „Степи“, то органическое, какъ въ послѣднемъ очеркѣ и въ некоторыхъ другихъ, то чисто вышнее и тенденціозное, а поэтому и не вполнѣ удачны, какъ въ „Огняхъ“. Форму эту онъ исчерпалъ и расширилъ до такой степени, что переходъ къ другой неизбеженъ и дѣлается лишь вопросомъ времени.

Когда-то, говоря о произведеніяхъ г. Чехова, мы характеризовали ихъ какъ наброски, предельные и сами по себѣ, но которые еще больше общаются въ будущемъ; мы прибавили—„быть можетъ больше, чѣмъ даютъ теперь другіе мастера, съ репутаціей вполнѣ установленнейшей“. Тогда же мы выразили

надежду, что современемъ онъ можетъ сдѣлаться художникомъ крупнымъ и серьезнымъ, замѣчая, по поводу „Степи“, что прочное ручательство дальнѣйшаго развитія онъ дастъ только тогда, когда ему удастся создать произведеніе, основанное на такой же детальной разработкѣ характеровъ, какую онъ примѣнилъ въ „Степи“ къ картинамъ природы. Послѣднее произведеніе г. Чехова, хотя и написанное въ рамкахъ сцѣны, даетъ уже, намъ кажется, такое прочное ручательство; теперь почти съ увѣренностью можно сказать, что въ его лицѣ мы приобрѣтаемъ новаго крупнаго художника.

Скажемъ кстати нѣсколько словъ о рассказѣ другаго молодого беллетриста, не столь блестящаго, но котораго тоже нельзя назвать безталантнымъ. Мы говоримъ о г. Вибиковѣ, а рассказъ его: „Первая побѣда“ напечатанъ въ недавно вышедшей книжкѣ „Наблюдателя“. Читается рассказъ не безъ интереса, написанъ живо, колоритно, талантливо, но, къ сожалѣнію, не оригинально. Не только въ тонѣ и формѣ рассказа, но отчасти и въ самомъ сюжетѣ чувствуется сильное проникновеніе автора „Асей“ Тургенева. Молодой художникъ Дининъ, прѣхавъ въ деревню рисовать иконостасъ, помѣщается въ помѣщичьей домѣ, гдѣ въ него влюбляется дочь хозяйки. Между нимъ и дѣвушкой происходитъ сцена совершенно въ родѣ той, которая изображена у Тургенева меж-

А. Уманьскій

1888